

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Н. Сухова

ИСТОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ ДУХОВНО-УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ В РОССИИ.

1807-1967 гг.

Исследование истории русского духовного образования и русской богословской науки является одним из важнейших и непростых вопросов, стоящих перед современной церковной историей. Становление и развитие русских духовных школ и русского богословия было процессом не всегда гладким и последовательным, а часто и болезненным. В настоящее время, когда в России реформируются традиционные формы духовного образования и появляются новые, когда встал вопрос серьезного анализа состояния современного русского богословия и путей его дальнейшего развития¹, особенно актуально знание истории и традиций.

В истории отечественного духовного образования особо можно выделить период с 1807 по 1918 годы, когда Русская Православная Церковь имела целостную систему духовных школ с преемством ступеней, единым управлением, едиными уставами, учебными курсами, программами. Насколько это строгое единство было полезно для конкретных духовных школ, – вопрос непростой: в начале XIX века оно помогло совершить коренное преобразование духовно-учебной системы и

В статье приняты сокращения в названии духовных академий: КазДА – Казанская, КДА – Киевская, МДА – Московская; ПгДА – Петроградская, СПбДА – Санкт-Петербургская.

¹ См., напр.: Материалы Богословской конференции Русской Православной Церкви «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия». Москва, 7-9 февраля 2000 г. // Церковь и время. 2000. № 2 (11); Материалы Международной конференции «Христианство на пороге нового тысячелетия». Москва, 20-22 июня 2000 г. Ч. I // Исторический вестник. № 9-10. 2000.

существенно повысить уровень русской богословской науки, в начале же XX века этим единством часто тяготились и боролись за большую самостоятельность и административную, и научно-учебную (движение за «автономию»). Но единая система жила и действовала, и ее центральный орган управления играл значительную роль в становлении и развитии духовных школ, богословского образования и академической науки, хотя не всегда успешно с этой ролью справлялся. Это делает важным знание ключевых моментов его истории, понимание стоящих перед ним на определенных этапах задач, анализ успехов и неудач, поскольку они часто объясняют успехи и неудачи русского духовного образования и богословской науки¹.

Но чтобы было понятно, почему в начале XIX века вопрос о создании духовно-учебной системы и «единстве ее власти и управления»² был поставлен с такой остротой и почему рассматривался в качестве «еще непечатого вопроса»³, несмотря на более чем столетнюю историю русского духовного образования, необходимо дать небольшой исторический очерк.

Идея создания централизованного управления духовными школами появилась в России в период преобразований Петра I. Для специального заведования вопросами духовных школ и типографий в июле 1721 года при Синоде была устроена особая контора под руководством синодального советника архимандрита Гавриила (Бужинского)⁴, который стал именоваться

¹ Документы и материалы центрального органа управления духовно-учебными заведениями за все время его деятельности, включая подготовительный этап, то есть с 1807 по 1918 гг., составляют ф. № 802 Российского государственного исторического архива (РГИА). Фонд содержит 55 758 единиц хранения по последним официальным данным, хотя эта цифра, ввиду давности последней полной проверки фонда (1956-1965 гг.), весьма условна.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 2.

³ *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. Переизд.: СПб., 2001.

⁴ *Гавриил (Бужинский)* († 1731), епископ Рязанский и Муромский. Уроженец польской Малороссии. Получил образование в Киево-Мо-

протектором школ и типографий. Конечно, это учреждение не могло быть полноценным органом управления духовными школами, ибо не имело ни собственных средств для поддержания школ, ни способов воздействия на взгляды архиереев, их учреждающих. Штатное содержание имела лишь Московская академия, да и это содержание было установлено еще в 1718 году хлопотами митрополита Стефана (Яворского). Святейший Синод пытался ввести определенный эталон для учреждаемых в епархиях духовных училищ: 31 мая 1722 года Святейшим Синодом был издан в качестве приложения к Духовному регламенту *Устав епархиальных школ (Регулы семинарии)*, но его повсеместного введения так и не последовало¹.

Уже в 1726 году *Контора школ и типографий* архимандрита Гавриила и сама должность протектора в Синоде были упразднены, а школы были поручены: «Московские ... тамошнему ректору, а прочие – местным архиереям и архимандритам, а типографии – директорам»². Духовное образование, таким образом, продолжало оставаться лишь в местном епархиальном ведомстве, причем это распространялось и на обе академии – Киевскую и Московскую. Святейший Синод лишь всячески побуждал архиереев заводить школы, согласно указаниям Духовного регламента³, и от случая к случаю запрашивал сведе-

гилянской коллегии; был учителем и префектом Московской академии, флотским иеромонахом, затем архимандритом Ипатского и Троицкого Петербургского монастырей. С 1721 г. член новоучрежденного Святейшего Синода (советник). С 1726 г. епископ Рязанский.

Указ о назначении архимандрита Гавриила протектором школ от 21 июля 1721 г. // ПСЗ. Т. VI. № 3741.

¹ ПСЗ. Т. VI. № 4021. В точном соответствии этому Уставу была устроена лишь петербургская школа на Карповке архиепископа Феофана Прокоповича, предполагаемого автора Устава.

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода. СПб., 1868-1915. Т. I. С. 468-469.

³ Духовный регламент, уделив вопросу духовного образования большое внимание, обязал каждого архиерея иметь при доме своем «школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных» (Духовный регламент, тщанием и повелением

ния о количестве учащихся и о состоянии школ¹. Высочайшие же указы способствовали пополнению рядов учащихся². Ар-

Всепресветлейшего, Державнейшего Государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от Рождества Христова 1721 сочиненный. Часть вторая. О епископах. § 9). Архиерейская школа должна была удовлетворять потребности *епархии* в «ученых» кандидатах на священнические места, находиться под властью и попечением *архиерея* и содержаться на *епархиальные* средства. Духовный регламент рекомендовал обучать, кормить и содержать учеников «туне» и «на готовых книгах епископских», «дабы не было роптания от родителей ученических». На содержание учеников и школьных служителей разрешалось брать двадцатую долю хлеба — с крупных епархиальных монастырей и тридцатую долю хлеба — с земель церковных; учителей же содержать должен был архиерей из своей казны (Там же. § 11). Однако и архиерейские школы должны были курироваться «рассуждением» и «разумением» нового органа высшего церковного управления — Духовной коллегии. Заметим, однако, что в Регламенте предлагается и иной тип духовной школы — академия, а при ней семинария, учреждаемые по «хотению *Царского Величества*» и на «*Государском* иждивении». Эти школы должны состоять под непосредственным наблюдением ректора и префекта, избираемых Духовной коллегией и подотчетных Коллегии во всех школьных делах, успехах и проступках преподавателей и учащихся. Академия, в отличие от школ архиерейских, должна иметь более ученый характер, искусных и «остроумных» учителей, давать широкое образование как богословское, так и общее, избирая «изряднейших во всяком учении авторов», при ней должна быть «довольная библиотека». «По совершении школьном» Коллегия «презентует» выпускников Царскому Величеству и по указу Его Величества определяет их на разные дела (Там же. Дома училищные).

¹ По ведомостям, собранным по указу Святейшего Синода 1727 года и представленным Верховному тайному совету, на 21 епархию приходилось 45 духовных школ разного уровня (ПСПиР. Т. VI. № 2004).

² Неоднократно на протяжении 1720-1730-х гг. Высочайшими указами запрещалось забирать учеников епархиальных школ на военную службу и, напротив, повелевалось забирать неученных детей духовенства; духовным лицам под страхом наказания указывалось посылать детей в духовные школы; запрещалось ставить необученных на священнические места; были и попытки направлять в школы молодых монахов и послушников.

хиерей устраивал школу, изыскивал для нее материальные средства, подбирал начальствующих и учителей, принимал и увольнял учащихся, он же определял и учебный курс, объемы преподаваемых наук, методы обучения и воспитания.

24 января 1737 года вышел указ Святейшего Синода, в котором отмечалось неудобство подчинения духовных школ лишь местным епархиальным властям. Синод выражал недовольство своим неведением о том, насколько успешно выполняется Духовный регламент и последующие указы о духовных училищах, чему и как учат, каковы дальнейшие судьбы выпускников. Высказывалось намерение подчинить духовные школы собственному контролю Святейшего Синода¹. Однако орган для заведования духовными школами и разработки каких-либо единых критериев обучения так и не был создан, и синодальный контроль по-прежнему ограничился лишь собиранием сведений о состоянии школ, учениках и учителях, возбудив активность епархиального начальства.

Но в конце 1730-х годов, желая возвести вопрос духовного образования из епархиальной сферы до общецерковной значимости, Кабинет Анны Иоанновны решил снабдить школы постоянными штатными окладами из доходов с церковных имений, заведовала которыми подчиненная с 1738 года Сенату Коллегия экономии. От Святейшего Синода потребовали в июне 1738 года сведений о необходимом числе школьников, составе и объеме преподаваемых наук, необходимых книгах и инструментах, жалованье учителям и содержании учащихся. Затребованный проект штатов был составлен, но сумма оказалась велика, и правительство оставило благие намерения. В 1740 году Коллегией экономии было установлено штатное содержание, которым доселе пользовалась лишь Московская академия, для двух семинарий – Новгородской и Александро-Невской².

¹ ПСЗ. Т. X. № 7204.

² Новгородской семинарии было положено 7.895 р. 37 к., Александро-Невской – 1.917 р. Еще раньше, в 1728 г., небольшой посто-

Во время царствования Екатерины II было составлено несколько проектов построения в России единой системы духовного образования. Все эти проекты отражали поиск форм духовных школ, наиболее адекватных новым образовательным концепциям. Были выдвинуты идеи разделения духовных школ по уровням¹, возможности продолжения образования в школе более высокого уровня, нового подхода к воспитанию духовного юношества и подготовке преподавателей, особенно для высших классов, и – централизованного управления всей духовно-учебной системой, необходимого для проведения всех этих идей в жизнь. Тщательно рассчитывалось и штатное содержание планируемых систем².

янный оклад для Смоленской семинарии (500 р.) удалось получить епископу Гедеону (Вишневному), а позже, в конце 1750-х гг., для Могилевской семинарии (400 р.) – епископу Георгию (Конисскому).

¹ Это, однако, не означало выделение последовательных ступеней в отдельные школы: высшие школы, по-прежнему, должны были содержать все классы, начиная с младших.

² Наиболее показательны три проекта, составленные в эти годы. Проект 1766 года предполагал разделение семинарий на меньшие и большие и преобразование Московской академии в Духовный университет (*Рождественский С. В.* Материалы по истории учебных реформ в России в XVIII-XIX вв. Т. 1. С. 287-288, 322-323). Проект 1775-1777 гг. планировал учреждение Богословского факультета при Московском университете, но подчиненного Святейшему Синоду; причем епархиальные духовные семинарии должны были быть поставлены в определенную зависимость от Богословского факультета (Проект приводится: *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 66-67; см. также: Проект богословского факультета при Екатерине II // Вестник Европы. 1873. Т. VI (XLIV). № 11. С. 300-317). В обоих этих проектах заявлена идея *централизованного* управления духовными школами: в первом планировалось учреждение должности *протектора всех духовных училищ*, из синодальных членов; во втором – *директора* (отличного от ректора) – для *высшего управления* Богословским факультетом, а через него – и другими духовными школами. Третий проект предполагал учреждение при университетах (уже существующем – Московском, и двух планируемых – в Малороссии и Ливонии) богословского факультета, равного с тремя остальными и по устройению, и по общеуниверситетскому управлению

Ни один из этих проектов так и не был реализован, и высказанные идеи остались лишь материалом для реформ следующего столетия.

Штатное содержание духовных школ было установлено в 1764-1766 годы, но настолько скудное, что епископы были по-прежнему озабочены поиском средств для своих семинарий¹.

Еще одну попытку централизации духовно-учебной системы предпринял в 1788 году митрополит Санкт-Петербургский Гавриил (Петров). По его ходатайству Александро-Невская семинария была преобразована в Главную, и указом Святейшего Синода от 27 июля 1788 года было предписано всем епархиальным семинариям (за исключением Троицкой, Черниговской, Новгород-Северской и заграничной, при коадьютере митрополите Киевском) присылать в нее по два ученика для образования к учительским должностям². Высшее руководство Главной семинарией и, следовательно, процессом подготовки преподавателей для епархиальных школ, осуществлял сам митрополит Гавриил. Это не превышало функций его, как епархиального архиерея, но так как семинария была столичной, а

(Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII-XIX вв. Т. 1. С. 30-31, 37-38). Эта система управления была весьма сложна: *директор* из профессоров, местный *куратор* каждого *университета* и *общий куратор* при Дворе. Таким образом, этот проект, ничего не говоря о духовных семинариях, *высшее* богословское образование планировал включить в единую систему *университетского* образования.

¹ Постоянный годовой бюджет был установлен после секуляризации 1764 года, в 1766 году (40.000 р. на все великорусские школы), увеличен в 1784 году (77.500), 1797 году (142.000), 1800 году (181.931). После проведения секуляризации в Малороссии в 1786 году были установлены штаты и для малороссийских духовных школ.

² ПСЗ. Т. XXII. № 16691. Четыре семинарии были исключены по близости их к академиям: первой — к Московской, трех последних — к Киевской. В 1785-1786 гг. в России было проведено преобразование системы народных училищ, с выделением главных училищ, для образования учителей, и проект преосвященного Гавриила, созвучный этому преобразованию, был Высочайше утвержден без всяких возражений.

митрополит Гавриил был первоприсутствующим членом Синода, то и школа, и ее руководитель приобретали в определенной степени значение центра духовного образования. В этом же году Святейший Синод разослал в епархиальные семинарии некоторые учебники и руководства, изданные в 1785-1786 годы Комиссией народных училищ, Академией Наук и Синодальной типографией, что должно было определить для семинарий единый уровень обучения. Первый же выпуск Главной семинарии 1792 года дал ряд блистательных имен, и опыт был признан в целом удачным¹. Однако подготовка к преподаванию лучших воспитанников провинциальных семинарий в Главной так и не стало системой, ибо денег на содержание провинциальных семинаристов в столице не было ни у епархий, ни у Главной семинарии. Таким образом, реализовать идею духовно-учебного центра во всей полноте не удалось и в этом случае.

В 1798 году Святейший Синод попросил епархиальных архиереев дать сведения о местных духовных школах: училищах, семинариях, академиях. Собранные сведения показали крайнее разнообразие в числе и объеме преподаваемых наук, в учебных книгах и руководствах, в распределении наук по классам и в способе учения; настоятельную нужду в опытных и благонадежных учителях; крайнюю скудость средств для поддержания образования. В духовных школах учили многому, но порозному, опираясь на разные пособия и богословские традиции, все определялось конкретным учебным заведением, взглядами на духовное образование епархиального архиерея и личностью учителя, читающего курс. Программы и конспекты лекций просматривались иногда архиереем, но преосвященный ориентировался обычно на знания и традиции, приобретенные в школьные годы и, конечно, не мог проконтролировать соответствие всех курсов последним достижениям науки, светской

¹ Достаточно назвать имена выпускников Главной семинарии: архиепископа Феофилакта (Русанова), М. М. Сперанского, И. И. Мартынова. См.: *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 162-163.

и богословской. Святейший Синод контролировал духовные школы, иногда рекомендовал даже новые пособия и учебники или выдвигал определенные требования к уровню знаний учащихся, но воплотить это было достаточно сложно, ибо система была аморфна, и чаще всего преобразования охватывали лишь центральные епархии.

В 1797 году, сверх двух «старых» академий – Киевской и Московской, – было образовано две новых – Санкт-Петербургская (из Александро-Невской Главной семинарии) и Казанская (из Казанской семинарии)¹. Академии отличались от семинарий наличием высшего богословского курса, хотя общие программы так и не были составлены и единые требования к курсу так и не были определены. Указом Святейшего Синода от 31 октября 1798 года была намечена так называемая «академическая реформа», в которой, во-первых, расширялись учебные курсы в академиях²; во-вторых, более четко утверждались отношения окружных семинарий с академией: семинарии должны были посылать в свою академию по два лучших ученика каждые два года и сообщать «сведения о порядке учения». Учебные планы намечались единообразные для всех академий, и предполагалось их составить в ближайшее время на основе опыта преподавания, причем особые надежды возлагались на Александро-Невскую академию, как столичную и ближайшую к Синоду, – она была взята за образец. Никакого особого учреждения для руководства проведением этой реформы указано не было, и руководство естественным образом пало на столичного архиерея – сначала митрополита Гавриила, а с октября 1799 года – митрополита Амвросия (Подобедова).

¹ Высочайший именной указ от 18 декабря 1797 г. // ПСЗ. Т. XXIV. № 18273.

² Утверждалась необходимость в академиях полных курсов философии с историей философии (2 года), богословия с историей церковной, герменевтикой, догматико-полемиическим богословием, нравственным богословием и пасхалией (3 года) и языков (еврейского, греческого и новых), с написанием сочинений и публичными диспутами.

В указе 1798 года можно видеть начало создания единой духовно-учебной системы¹, но начало это было формальное. В реальности семинарии продолжали жить под руководством епархиального начальства, никак не соотнося свою деятельность с академиями, да и сами академии оставались в дирекции местных архиереев, представляя отчетность в Святейший Синод лишь по особому требованию.

Для существенных изменений в духовно-учебной области необходима была кардинальная реформа, а для ее проведения — централизация управления, то есть создание единого органа, который возглавил бы все многообразие духовных школ, имел сведения обо всех сторонах их жизни, был компетентен делать из этих сведений выводы и своевременно принимать соответствующие решения. Этот орган, разумеется, должен был быть непосредственно связан со Святейшим Синодом, но в определенной степени и независим в решениях, сведущ в духовных знаниях и авторитетен в высших церковных кругах. Именно центральное управление духовными школами при Святейшем Синоде могло, наконец, возвысить статус духовно-образования от дела епархиального до общецерковного.

Начало было положено созданием особого *Комитета об усовершенствовании духовных училищ и обеспечении приходского духовенства*² (далее — *Комитет*). Комитет был учрежден указом императора Александра I от 29 ноября 1807 года в составе: митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова), епископа Калужского и Боровского Феофилакты (Русанова), статс-секретаря М. М. Сперанского, обер-прокурора Святейшего Синода кн. А. Н. Голицына, императорского духовника протопресвитера Сергия Краснопевкова (он участвовал лишь в первых заседаниях Комитета, ибо вско-

¹ Чистович И. А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 163; Благовещенский А. История старой Казанской духовной академии. Казань, 1875. С. 197.

² В документах того времени называется *Комитетом о усовершенствовании духовных училищ*.

ре умер) и обер-священника военного духовенства Иоанна Державина. Перед Комитетом стояли три основные задачи: 1) рассмотрение проекта об усовершенствовании духовных училищ¹; 2) предварительный расчет суммы, необходимой на его осуществление и на обеспечение жалованием приходского духовенства; 3) определение путей накопления этой суммы (ибо правительство предоставляло Церкви решать этот вопрос

¹ Проект преобразования духовных училищ был составлен в 1805 году по указанию преосвященного Амвросия (Подобедова), митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, преосвященным Евгением (Болховитиновым), епископом Старорусским, викарием Новгородской епархии. Преосвященный Евгений использовал в своей работе проекты, записки и соображения, присланные архиереями «академических» городов — митрополитами Киевским Серапионом (Александровским) и Московским Платоном (Левшиным) и Казанским архиепископом Павлом (Зерновым), доклады от Санкт-Петербургской академии и от правления Славяно-греко-латинской академии и записки еще от двух архиереев: «Предварительное начертание об учреждении Московской академии» преосвященного Августина (Виноградского), Московского викария, и «Примерный штат для Тобольской семинарии» Тобольского архиепископа Антония (Знаменского). Проект преосвященного Евгения и составленное им от имени митрополита Амвросия «Историческое обозрение всех о духовных училищах доныне последовавших учреждений и распоряжений» были представлены императору, и им «отменно уважены» (Письмо преосвященного Евгения к В. И. Македонцу от 31 марта 1805 г. // Русский архив. 1870. № 4-5. С. 843). После Государя планы рассматривал Святейший Синод, кроме того, отзывы на проект были получены от митрополита Московского Платона (Левшина), архиепископа Тобольского Антония (Знаменского), епископов Калужского Феофилакта (Русанова), Тульского Амвросия (Пратасова), Курского Феокиста (Мочульского). Попало в рассмотрение и два письма ректора Московской академии архимандрита Моисея (Платонова) к ректору Новгородской семинарии архимандриту Иннокентию (Тихомирову) (письма указанных лиц к митрополиту Амвросию с отзывами напечатаны: *Полтаев Н. И.* К истории духовно-учебной реформы 1808 — 1814 гг. // Странник. 1889. № 9. С. 65-77). В целом отзывы были положительны (исключение составлял отзыв митр. Платона), некоторые положения проекта отвергались или корректировались, дополнялись; все эти поправки были присовокуплены к проекту преосвященного Евгения.

самостоятельно). Плодом полугодовых занятий Комитета¹ явились идеи, давшие основание коренной реформе всей системы духовного образования в России.

Комитет пришел к выводу о необходимости существования *полной системы образования духовного ведомства*, параллельной системе «гражданского» образования, со своим *собственным* управлением. «Духовные училища не могут быть соединены с Гражданскими»². Это решение, определившее судьбу духовно-учебной системы вплоть до 1918 года, вызывало в дальнейшем как одобрение, так и критику. Анализ основных недостатков привел Комитет к установлению главных начал реформы: 1) все предметы должны соответствовать главной задаче *богословского* учения, — следовательно, необходимо изучение языков древних, славянского и славяно-русского; древней истории, особенно священной и истории Церкви; лучших образцов духовной словесности и главное — учения богословского «во всех его отделениях»; 2) необходимо придать *единство* учебному строю, разделить училища на несколько ступеней, согласованных соподчинением от низших к высшим, и устремить к нескольким главным центрам (академиям), которые, в свою очередь, подчинялись бы единому органу, возглавляющему всю систему.

Таким образом, духовные школы должны были давать своим воспитанникам не только образование, необходимое для священнического служения, но и общее, в той полноте, которую сочтет необходимым духовное начальство. Кроме того, в решениях Комитета 1808 года была закреплена и другая традиция духовной школы — самообеспечение кадрами. Высшие классы духовной школы должны готовить преподавателей для всей духовной школы³.

¹ Комитет был открыт 3 декабря и работал до июня 1808 года, проведя всего девять заседаний. Журналы заседаний Комитета о усовершенствовании духовных училищ 1807-1808 гг. см.: РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Или: там же. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3455.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 55.

³ Такая обособленность духовной школы, уже в теоретическом варианте рождающая вопросы, в рассуждениях Комитета объяснялась,

Решено было оставить в преобразованной системе 4 уже сложившиеся центра духовно-учебных округов – академии, 36 семинарий, по 10 уездных и 30 приходских училищ в каждой епархии, как высшую норму. В определенном смысле именно «академия» являлась «ключевым» понятием грядущей реформы, ибо именно академии отвечали за науки, «духовному званию нужные», и тем определяли особый род просвещения, «преимущественно принадлежащий духовным училищам»¹. Духовное просвещение – образование – и «ученость, приспособленная к наукам богословским» здесь неразрывно соединены. Но направлять и руководить этим сложным процессом в единой духовно-учебной системе должен был центральный орган управления.

«Для высшего и общего управления духовными училищами» было предложено «учредить при Святейшем Синоде особенную Комиссию, под именем Комиссии о духовных училищах» (вскоре – просто *Комиссия духовных училищ*; далее – *КДУ*). Были сформулированы основные задачи КДУ: временные (по проведению реформы) и непреходящие (по управлению уже преобразованной системой духовных школ). Высочайшим указом от 26 июня 1808 года Комитет был упразднен, как совершенно исполнивший свое предназначение², а КДУ

во-первых, особенностью изучаемых здесь наук «духовному званию нужных», требующих и особого воспитания; во-вторых, уже сложившейся исторически замкнутостью духовного сословия и необходимостью давать льготное образование детям этого сословия. Лишь преподаватели (даже общеобразовательных предметов), сами получившие образование в духовной школе, могут понять все сложности духовно-образования и воплотить это понимание в своей деятельности.

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 59 об.-60.

² В указе Императора, зачитанном на последнем заседании Комитета 4 июля 1808 года, говорилось: «Из доклада, Комитетом мне поднесенного, я видел с особенным удовольствием, что он [Комитет] совершил дело, указом 29-го ноября минувшего года мною на него возложенное. Отдавая совершенную справедливость усердию и отличной деятельности, коими Комитет при исполнении поручения его руководствовался и содействовал моим намерениям о доставлении проч-

утверждена, с поставленными перед ней задачами, и ей переданы все материалы Комитета¹.

Прежде всего, КДУ должна была обеспечить реализацию планов Комитета, то есть: а) составить штаты училищ; найти подходящих профессоров; учредить библиотеки и кабинеты; б) сочинить подробные уставы академий, семинарий и духовных училищ; в) разработать последовательность преобразования и определить сроки.

По совершении реформы, КДУ должна была осуществлять «главное руководство» преобразованной духовно-учебной системой: а) надзирать за училищами; получать и рассматривать списки учащихся; следить, чтобы размещение по местам духовной службы соответствовало степени их образования, и ходатайствовать в Синоде в случае обнаруженной несправедливости; б) утверждать докторов богословия; в) определять ректоров академий; г) заниматься благоустройством духовных школ, обращая особое внимание на библиотеки². Однако в действительности решение проблем духовных школ составило лишь часть многотрудной деятельности КДУ.

Первыми членами КДУ стали члены Комитета, ими и были составлены, опробованы и доработаны проекты уставов и штаты духовных школ всех ступеней, ими принимались и решения о назначении начальствующих, о перемещении конкретных преподавателей из различных академий и семинарий или приглашении нужных специалистов извне, о составлении новых курсов воспитанников, определении преподаваемых предметов, их объема, рекомендуемых учебных пособий.

В дальнейшем новые члены КДУ назначались также по Высочайшему повелению, из «членов духовного и гражданско-

ных правил духовенству, как в его просвещении, основанном на истинном благочестии, так и в способах его содержания, и изъявляя всем членам оното особенное мое благоволение...» (РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 1. Л. 118).

¹ ПСЗ. Т. XXX. № 23122.

² Начертание правил о образовании духовных училищ и о содержании духовенства при церквах. Гл. V. П. 132 // ПСЗ. Т. XXX. № 23122.

го состояния»¹, авторитетных и компетентных в вопросах духовного образования, по большей части членов Святейшего Синода².

Для ведения делопроизводства КДУ имела собственную Канцелярию, со временем приобретающую весьма внушительные штаты³. Канцелярию курировал один из членов КДУ, весьма редко вникая в усложнившийся делопроизводственный про-

¹ ПСЗ. Т. XXX. № 23122. Гл. V. П. 131.

² Первенствующими членами КДУ на протяжении всего времени ее деятельности были митрополиты Новгородские и Петербургские: митрополит Амвросий (Подобедов) (26.06.1808-26.03.1818), митрополит Михаил (Десницкий) (26.03.1818-24.03.1821), митрополит Серафим (Глаголевский) (29.06.1821-01.03.1839). Кроме того, в состав КДУ обязательным образом входили другие архиереи: с 1826 года – митрополит Московский (все годы – святитель Филарет (Дроздов), бывший членом КДУ с 1814 года, еще в сане архимандрита и должности ректора СПбДА); с 1825 года – митрополит Киевский (до 1837 года Евгений (Болховитинов), затем Филарет (Амфитеатров), входивший в КДУ еще будучи архиепископом Казанским, а с 1836 года – Ярославским). В 1837 году, в связи с передачей в Комиссию дел греко-униатского ведомства, в состав ее вошли: тогда униатский, епископ Литовский Иосиф (Семашко; с 1839 года православный архиепископ Литовский и Виленский, с 1852 года митрополит) и униатский митрополит Полоцкий Иосафат (Булгак) (до своей смерти 23 февраля 1838 года). Белое духовенство в Комиссии было представлено: обер-священником военного духовенства (с 1816 года – армии и флота) И. С. Державиным (1808-1826), духовником Императора и управляющим придворного духовенства протопресвитером П. В. Криницким (1808-1835), обер-священником армии и флота В. И. Кутневичем (1835-1839), духовником Императора и обер-священником Главного штаба и гвардейского духовенства Н. В. Музовским (1826-1839). Из светских лиц в состав КДУ входили обер-прокуроры Святейшего Синода: князь А. Н. Голицын (1808-1824), князь П. С. Мещерский (1817-1839), С. Д. Нечаев (1829-1836), граф Н. А. Пратасов (1836-1839) (указаны не годы обер-прокуратуры, а годы участия в КДУ), а также некоторые другие лица: граф М. М. Сперанский (1807-1812), П. А. Галахов (в 1814-1818 гг. правитель дел, а в 1818-1824 член КДУ), А. А. Павлов (1824-1827).

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 5. К 1834 году штаты Канцелярии составили 27 человек.

цесс, а также в финансовую документацию. Эта невнимательность Комиссии к документам была в дальнейшем поставлена ей в вину.

Еще одно направление деятельности Комиссии духовных училищ и духовных академий – духовная цензура издаваемых книг духовного и нравоучительного содержания, переданная в духовно-учебное ведомство еще указом от 13 марта 1799 года¹. По Уставу 1808–1814 годов цензура духовных книг была возложена на Конференции духовных академий², с образованием при них Цензурных комитетов в составе трех человек из членов Конференции³. КДУ же приходилось рассматривать их отчеты, и – дела особо сложные и «скандальные». Иногда расследования Комиссии по таким делам велись годами.

Следует отметить, что члены КДУ смотрели на свою деятельность с известной долей самокритики. С середины 1830-х годов состояние учебного процесса в духовных школах стало вызывать тревогу: заметно понизился уровень преподавания,

¹ ПСЗ. Т. XXV. № 18888.

² Особое ученое общество при каждой академии, возглавляемое епархиальным архиереем и состоящее из действительных членов – внутренних (профессора) и внешних (представители образованного духовенства округа), почетных членов и членов-корреспондентов. Основные задачи: возведение в ученые академические степени, производство испытаний студентов академии, цензура книг духовно-нравственного содержания, издаваемых в округе.

³ Начертание правил о образовании духовных училищ. Разд. I. Гл. IV. П. 103–106. Цензурный комитет при СПбДА открылся одновременно с образованием ее Конференции 26 июня 1809 года, в декабре 1814 года был открыт Цензурный комитет при Московской академии (на четыре года раньше, чем Конференция при ней), а в июне 1823 года – при Киевской академии, одновременно с Конференцией при КДА. Устав Цензурных комитетов исправлялся в мае 1814 года и в январе 1819 года. Существенное их преобразование произошло в июне 1828 года, когда были выделены два основных Цензурных комитета – петербургский и московский, два других ограничивались цензурой проповедей, малых сочинений и разрешениями на повторное издание. См.: *Котович А. Н.* Духовная цензура в России (1799–1855). СПб., 1909.

стало явным отставание от современных достижений богословских наук¹. В мае 1837 года КДУ учредила при СПбДА особый Комитет для рассмотрения используемых учебников, пособий и конспектов лекционных курсов. Председательствовал в этом Комитете Санкт-Петербургский викарий, епископ Ревельский, Венедикт (Григорович). Вывод Комитета был суров и обескураживал: ни одна из принятых «в классическое употребление» книг не может быть признана совершенно удовлетворительной, а лекционные конспекты требуют значительных исправлений и усовершенствований².

Эпоха Комиссии духовных училищ оценивается чаще всего положительно и вспоминается как «золотой век» русских духовных школ. КДУ в основном выполнила поставленные перед ней задачи: разработала в деталях и осуществила кардинальную реформу духовного образования, создала единую духовно-учебную систему, наладила регулярное штатное обеспечение церковных школ, повысила статус образования в духовенстве, что вело и к более уважительному отношению к духовенству в народе³. Но со временем подобное устройство духовно-учебного управления стало вызывать недовольство в определенных кругах.

Прежде всего, недовольны были властью КДУ над духовными школами епархиальные архиереи. Это резко чувствовалось в отношениях архиереев с академиями, выведенными Уставом 1808-1814 годов из-под власти епархиальных архиереев и подчиняющимся лишь Комиссии. Преосвященный епар-

¹ Понижившийся уровень преподавания, вялый ход учебного процесса, плохие ответы воспитанников на испытаниях отмечались ревизорами, в их отчетах – отрицательные отзывы о преподавателях и курсах лекций, после ревизий нередки исключения учащихся «за неспешность» (РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 4859, 4862, 10318, 11063).

² РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9859.

³ Ко времени учреждения КДУ в ведомстве православного исповедания было 4 академии, 35 семинарий и 76 низших училищ, с 29.000 учащихся (РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 11434). В конце 1838 года, то есть ко времени закрытия Комиссии, действовало 3 академии, 44 семинарии, 172 уездных и 190 приходских училищ, преобразованных по Уставу 1808-1814 гг., со 62.143 учащихся (там же).

хии, в которой находилась академия, председательствовал в академической Конференции и Правлении, но Конференция подчинялась КДУ, и это, конечно, умаляло власть архиерея. Даже митрополит Филарет (Дроздов), один из главных деятелей Комиссии, участник составления окончательной редакции Устава 1814 года, был недоволен этим нововведением реформы – независимостью академий от епархиального архиерея¹. Но главное недовольство преосвященных вызывала, конечно, подчиненность духовных школ епархиального значения – семинарий и училищ – окружным академическим Правлениям, а через них – КДУ. Комиссия не только определяла единство учебных программ, учебных пособий, единство действий, назначала на духовно-учебные места, но даже направляла выпускников духовных школ на священнослужительские места в епархии. Такое вмешательство КДУ в епархиальные дела было обусловлено исторической необходимостью на определенном этапе: только централизованно можно было одновременно воплотить планы Комитета 1807-1808 гг. и КДУ по преобразованию всей духовно-учебной системы и обеспечить приходское духовенство «достаточными средствами». Однако это создавало обостренные отношения между КДУ и епархиальными архиереями, что, конечно, было вредно для общего дела и конкретных духовных школ².

Еще более резкое противостояние намечалось со стороны обер-прокурора. КДУ состояла из компетентных в духовно-

¹ *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине XIX в. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С. 259-260.

² На эту проблему обращали внимание некоторые исследователи прошлых лет. Профессор КазДА П. В. Знаменский видел в ней уязвимую сторону духовно-учебного управления эпохи КДУ: «Следовало стянуть организацию школьного учения к общему церковно-административному центру только с общецерковной же ее стороны, не нарушая прав епископских» (*Знаменский П. В.* Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. Казань, 1878. С. 18-19).

учебных вопросах лиц, возглавляема была первоприсутствующим членом Синода, имела право самостоятельного решения большинства вопросов, а при необходимости напрямую обращалась с предложениями в Синод. Эта самостоятельность Комиссии лишала обер-прокурора возможности в полной мере контролировать духовно-учебный процесс и воплощать свои идеи и должна была когда-то привести к столкновению¹.

Решающим в судьбе КДУ стало недовольство ее деятельностью обер-прокурора с 1836 года графа Н. А. Пратасова, который вскоре по своем вступлении на пост обер-прокурора провел ряд преобразований синодальных учреждений, с целью упорядочения делопроизводства и улучшения контроля над синодальным хозяйством². Эти преобразования постепенно сосредоточили все синодальные дела в руках обер-прокурора, лишь духовно-учебная область не подчинялась общей системе.

Была и еще одна причина ревности обер-прокурора к Комиссии. Обер-прокурор поддержал планы созданного в декабре 1837 года Министерства государственного имущества, среди которых было предложение «освободить духовенство от необходимости брать плату за требы». Осуществить это предполагалось своеобразным способом: ввести в программы семинарий и духовных училищ «практические» предметы — медицину и сельское хозяйство³. Это должно было дать сельскому духовен-

¹ Однако само создание КДУ способствовало повышению роли обер-прокурора в духовно-учебных делах, и потому князь А. Н. Голицын так активно занимался делами Комитета об усовершенствовании духовных училищ и учреждением КДУ. Некоторые историки даже обвиняют кн. Голицына в том, что он «почти совершенно устранил Синод от непосредственного вмешательства в обсуждение предложенной реформы» (*Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII и первой половине XIX столетия. Казань. 1899. С. 349-350).

² В 1836 году, сразу по вступлении графа Пратасова в должность обер-прокурора, были учреждены особая Канцелярия обер-прокурора, Хозяйственный комитет и Контроль при нем.

³ Медицина была включена в семинарские и академические программы в качестве особого предмета еще в 1802 году (ПСЗ. Т. XXVII.

ству в дальнейшей их деятельности дополнительные средства. КДУ ответила в ноябре 1838 года устами святителя Филарета (Дроздова), тогда уже митрополита Московского. Ответ был не столь категоричен, но восторга члены Комиссии не выразили: медицинские книги следует рекомендовать для самостоятельного чтения (лишь для будущих причетников можно ввести краткий курс оспопрививания), а сельское хозяйство, в случае составления для сего подходящего краткого учебника, ввести в программы можно¹.

Граф Пратасов был явно разочарован и попытался действовать помимо КДУ. Из представленных в Комитет 1837 года богословских конспектов обер-прокурору понравились конспекты ректора Вятской семинарии архимандрита Никодима (Казанцева). Архимандрит Никодим был вызван в Петербург, где граф Пратасов поручил ему составление нового устава для духовных семинарий. Но понимания у архимандрита Никодима взгляды обер-прокурора не нашли. Не желая быть «орудием расстройств духовной части», архимандрит Никодим написал к сентябрю 1838 года лишь об учебных порядках, о части административной, нравственной, экономической, оставив в стороне вопросы учебного курса².

Наконец, в феврале 1839 года, обвинив КДУ в «недостаточности действий», запутанном ведении дел, слабом контроле над капиталами, граф Пратасов нашел причины тому в ее устройстве. КДУ составляют те же лица, что заседают в Синоде, что, во-первых, отвлекает их от «главнейших занятий по званию членов и присутствующих в Синоде», а архиереев — и от

№ 20334, 20346), сохранена в проекте преосвященного Евгения 1805 года, но исключена Уставом 1808-1814 гг.

¹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1-5. СПб., 1885-1888. Т. 2. № 233-235. С. 420-426.

² *Архимандрит Никодим (Казанцев)*. О Филарете, митрополите Московском, моя память // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1877. Кн 2. С. 34-43.

епархиальных дел, не дает сосредоточиться и на духовно-учебных делах; а во-вторых, «раздваивает» власть над духовными школами – Синод и КДУ. Члены КДУ делопроизводство контролировать не могут, канцелярия КДУ с ним не справляется, и, что еще более важно, – практически упущен контроль над капиталами (отчеты не ревизовались двадцать лет)¹.

КДУ была упразднена Высочайшим указом от 1 марта 1839 года (по докладу обер-прокурора Святейшего Синода графа Н. А. Пратасова)². Этим указом предписывалось «сосредоточить в Святейшем Синоде, как в едином главном духовном правительстве Империи Нашей, высшее заведование духовно-учебной частью, которое доселе вверено было особой Комиссии духовных училищ». Для «исполнительного производства духовно-учебных дел» (за исключением контрольных) и заведования духовно-учебным хозяйством при Святейшем Синоде учреждалось особое *Духовно-учебное управление* (далее ДУУ) (с передачей ему духовно-учебных капиталов). Надзор за «повсеместным исполнением» постановлений и указаний по духовно-учебному ведомству вверялся обер-прокурору Святейшего Синода, а контроль по учебно-духовным суммам – Хозяйственному управлению при Святейшем Синоде (который этим же указом был преобразован из Хозяйственного комитета).

Все духовно-учебные дела разделялись теперь на два разряда: одни – главнейшие – подлежали усмотрению и разрешению Святейшего Синода (и ДУУ лишь представляло Синоду эти дела, с соответствующими справками и материалами), другие предоставлялись непосредственному распоряжению обер-прокурора или же самостоятельным действиям ДУУ «во исполнение существующих постановлений». Ко второму разряду отнесены были те дела, которые были определены уже существ-

¹ *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине XIX века. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С. 332-333. Капиталы КДУ не ревизовались с 1822 года, когда были изъяты из-под ревизий Государственного Контроля (РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 3337).

² 2 ПСЗ. Т. XIV. № 12070.

вующими правилами, уставами и положениями, и следовало лишь наблюдать за их точным исполнением, или же те, которые касались службы лиц не духовного сана. Все остальное было предоставлено решению Святейшего Синода¹.

Духовно-учебное управление находилось «под главным начальством обер-прокурора Святейшего Синода», непосредственно руководил им директор из чиновников. Обер-прокурор мог назначать по своему усмотрению постоянных или временных членов ДУУ из других чиновников его ведомства². Директор ДУУ определялся Именным Высочайшим указом, все остальные чиновники — обер-прокурором или директором Управления³. Роль обер-прокурора в духовно-учебных делах значительно возросла: это был второй шаг, после князя Голицына, в формировании особого положения обер-прокурора по отношению к духовно-учебной системе. Если во времена КДУ обер-прокурор, входя в состав Комиссии, имел не больше прав, чем другие ее члены, и предложения обер-прокурора могли встретить противостояние, то ДУУ было лишь послушным органом обер-прокурора, беспрекословно исполняющим все его замыслы. То, что духовно-учебные дела представлял в Синод обер-прокурор, давало ему возможность творческой расстановки акцентов.

Духовно-учебное управление существенно отличалось от предшествующей ему Комиссии духовных училищ. На смену относительно независимой, авторитетной и компетентной КДУ пришла канцелярия чиновников, слабо представляющих специфику духовно-учебных проблем, не имеющих, чаще всего, собственного суждения по возникающим вопросам и, как правило, не способных принимать решения даже в области, выде-

¹ 2 ПСЗ. Т. XIV. № 12070. §§ 3, 4, 5.

² Там же. §§ 8-14.

³ Директорами Духовно-учебного управления при Синоде состояли: А. И. Карасевский (1839-1855), И. И. Домонтович (вице-директор, и. д.) (1855-1856), И. С. Гаевский (и. д.) (1856), К. С. Сербинович (1856-1859), князь С. Н. Урусов (1859-1864), И. И. Домонтович (вице-директор, и. д.) (1864-1866), Ф. М. Сухотин (1866-1867).

ленной для их самостоятельной деятельности. Однако общая тенденция 1840-1850-х годов — усиление значения синодальных чиновников, — сказалась на духовно-учебном деле весьма основательно. Уже то, что члены ДУУ готовили материалы для рассмотрения дел членами Синода, делало их в определенной степени хозяевами положения: и в Уставах, и в многочисленных указах, принятых за многие годы, всегда можно было найти соответствующие параграфы, именно их представить в докладе синодальному Присутствию и повернуть рассмотрение дела в нужном направлении. Но часто ситуация бывала еще более абсурдна: ДУУ готовило протокол и проект решения по второстепенным делам, а члены Синода лишь подписывали и то и другое. Конечно, бывали случаи недовольства членов Синода проектом и отказы в подписях. Тогда мог составляться другой проект или дело выносилось-таки на реальное синодальное обсуждение.

Естественно, чиновникам ДУУ приходилось каким-то образом формировать эти проекты и набираться опыта решения духовно-учебных дел. Для рассмотрения вопросов, связанных с постановкой учебного процесса и преподаваемых наук, на заседания приглашались ректоры Санкт-Петербургских духовных школ, а также находящиеся в Петербурге ректоры других академий и семинарий. Иногда при ДУУ создавались специальные временные комитеты и комиссии. Таким образом, появлялось множество специфических проектов изменения учебных программ. Ректоры духовных школ были практики, близкие к учебному процессу, и учет их мнений в целом нес положительное начало, но исходили они часто из местных условий, особенностей конкретных учебных заведений, своего субъективного взгляда на духовное образование. Члены же ДУУ редко могли скорректировать, обобщить, отделить общее и главное от частного и второстепенного.

Основная особенность эпохи ДУУ — это длительная полоса изменений в учебных курсах духовных школ всех ступеней. Их обычно критикуют единым списком грехов ДУУ, но не все было так просто. Некоторые из этих изменений, несмотря на не

всегда удачную форму их проведения, в дальнейшем не были отринуты, но даже признаны необходимыми¹. Сокращения курсов по некоторым предметам имели место (например, по философии в семинарских учебных программах), но их было не так много. В основном в учебные программы вводились новые предметы, действительно, часто бессистемно и непродуманно, что привело духовные школы в состояние «многопредметности» и некоторого хаоса в учебных программах. Главная беда чиновников ДУУ была в непонимании духовно-учебной *реальности*².

Члены Духовно-учебного управления были профессионалами канцелярского дела, и «бумажный» процесс чрезвычайно усложнился и, как иногда кажется, стал самоценным, оторванным от реальности: запросы, ответы, сношения с различными организациями продолжали идти даже после того, как возбудившее этот процесс дело каким-то образом было разрешено. Крайне увеличилось количество различных списков, собираемых и составляемых ДУУ. Кроме обычных наградных и регу-

¹ Например, введение в духовных школах патристики, выделение других богословских наук в отдельные курсы (каноническое право, история Русской Церкви, наука о православном богослужении и др.), введение миссионерских предметов, педагогики.

² Поэтому благие мысли и планы ДУУ об открытии кафедр и чтении предметов, которых все ждали и которые считали необходимыми в учебных планах духовных школ, часто встречали недовольство и даже противление профессоров и преподавателей. «...Они [члены ДУУ] воображают, что открыть несколько новых, совершенно неслыханных кафедр, все равно что открыть несколько столов в отделении. Напиши на бумаге: “Пусть преподается русская церковная археология, наука еще не существующая, для которой и материалы еще не приготовлены, и я ваш через несколько недель”», — писал член корпорации МДА Н. П. Гиляров-Платонов, когда обширный и многотрудный проект МДА по устройению в академиях новых кафедр русской церковной археологии, обличения русского раскола и миссионерских отделений был чересчур легко «утвержден вполне», причем следовало начать с ближайшего же сентября, но обойтись при этом наличными в академии наставниками и средствами (Письмо М. П. Погодину от 21 июля 1854 года // ОР РНБ. Ф. 847 (Н. В. Шаховской). Оп. 1. Д. 466. Л. 3).

лярных формулярных списков, составлялись списки по различным «признакам»: имеющие награды и не имеющие их, служащие по определенным чинам, пользующиеся казенным жильем или дровами и не пользующиеся и прочие.

Как даже относительно самостоятельный орган духовно-учебного управления ДУУ рассматриваться, конечно, не могло: не имеющая ни власти, ни компетентности, ни духовно-учебного опыта, ни знания, простая канцелярия под громким именем Управления. Более того, лишняя инстанция между духовными школами и Синодом, затягивающая процесс решения дел и оформления бумаг на годы, тяготила духовно-учебные заведения и лишала Синод живого знания об истинном положении вещей.

Можно ли было предвидеть эту ситуацию в момент упразднения КДУ и учреждения ДУУ при Святейшем Синоде? Многие исследователи позднейших лет считали, что пагубность замены была очевидна для современников: изменения произошли лишь по злой воле обер-прокурора, ибо архиереи-члены КДУ мешали осуществлению его замыслов по «опрощению» духовной школы¹. Но, видимо, все было не так просто и не столь очевидно. Митрополит Филарет (Дроздов) писал ректору МДА архимандриту Филарету (Гумилевскому) вскоре после упразднения КДУ: «Перемены, произошедшей в высшем учебном управлении, не бойтесь! Сосредоточение дел в Святейшем Синоде — черта добрая и благотворная. И что кажется новым, может благоустроиться к пользе, если будем верны, усердны и достойны»². И уже по прошествии многих лет профессор Н. Н. Глубоковский, размышляя о моменте смены Комиссии ДУУ, замечает: «смена не была слишком насильственной, и поначалу была принята спокойно»³.

¹ См. напр.: *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX в. Т. 2. Вильно, 1909. С. 154-155.

² Письмо от 20 апреля 1839 года // Прибавления к творениям святых отцов. Ч. 32. 1883. Кн. 4. С. 686.

³ *Глубоковский Н. Н.* Рецензия на книгу Б. В. Титлинова «Духовная школа в России в XIX в.» // В кн.: Отчеты о 52-м присуждении премии гр. Уварова. СПб., 1912. С. 22.

В определенном смысле КДУ и ДУУ были двумя «крайними» вариантами возможной системы управления, каждый из которых имел обоснование в своем времени, но представлял и весьма ценный опыт для духовно-учебной системы. Не следует, видимо, считать первый из них совершенной удачей, второй – лишь происками властного обер-прокурора. И у КДУ были неудачи в решениях, и ей выражали недовольство (в частности, епархиальные архиереи). Не такой идиллией представляются при более подробном исследовании и первые учебные программы духовных школ, составленные КДУ: уже в 1810 году, то есть через год после начала обучения первого курса СПбДА, была отмечена непосильная *многопредметность* и явное изнеможение обучаемого духовного юношества¹. Как весьма печальный опыт рассматривается ныне и указ КДУ 1825 года о возвращении к обязательной латыни в преподавании богословия и старым «классическим» школьным книгам, о запрещении преподавателям читать лекции по собственным конспектам – «обратный ход от общевразумительного учения к схоластицизму»². С другой стороны, и в период ДУУ были определенные решения, признанные впоследствии удачными: уже упомянутое введение в учебные курсы некоторых наук; попытка, хотя и весьма специфическая, вернуть духовные школы лицом к живым церковным проблемам; привлечение к работе над пересмотром «классических» книг, учебных курсов, конспектов лекций практиков духовно-учебного дела – ректоров и профессоров духовных академий и семинарий.

1855 год принес начало новой эпохи: на престол взошел другой император, умер и обер-прокурор граф Н. А. Пратасов,

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 265. Л. 23-37 об. Эта печальная ситуация привела к введению первой «специализации» в СПбДА в том же 1810 году: гражданская история и физико-математические науки были сделаны альтернативными для изучения.

² *Митрополит Филарет (Дроздов)*. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1-5. СПб., 1885-1888. Т. 2. С. 209.

преобразователь 1840-1850-х годов. Реформационные замыслы определили дух этой эпохи. Была очевидна необходимость трезвого пересмотра и положения, сложившегося к этому моменту в духовном образовании, и одной из первых ставилась задача изменения формы центрального духовно-учебного управления. Но какой должна быть эта новая форма? Хотелось не ошибиться на этот раз и найти наиболее удачное решение проблемы. Но оказалось, что даже теоретическое разрешение вопроса имеет огромные сложности.

Проекты преобразования центрального духовно-учебного управления выдвигались неоднократно в частных письмах¹ и беседах. Вопрос духовно-учебного управления встал и в специальных Комитетах по составлению проектов преобразования духовных школ, работавших при Св. Синоде в 1860-1862² и 1866-1867³ годы.

¹ Н. П. Гиляров-Платонов, проект преобразования центрального духовно-учебного управления (ок. 1866 года). ОР РНБ. Ф. 847 (Н. В. Шаховской). Оп. 1. Д. 309. Л. 1-12.

² Комитет был учрежден постановлением Святейшего Синода от 25 февраля – 8 марта 1860 года, под председательством члена Синода архиепископа Херсонского Димитрия (Муретова). Членами Комитета были назначены: из духовных лиц: ректор СПбДА епископ Нектарий (Надеждин) (затем преосвященного Нектария заменил новый ректор СПбДА – епископ Иоанникий (Руднев)); ректор Санкт-Петербургской семинарии архимандрит Платон (Тропольский); два чередных архимандрита: Феофилакт (Губин) и Феодосий (Шаповаленко); два столичных протоиерея: Г. С. Дебольский и В. П. Полисадов, по избрании Санкт-Петербургского митрополита; и светские лица: директор ДУУ князь С. Н. Урусов, чиновник за обер-прокурорским столом И. С. Гаевский и чиновник особых поручений при обер-прокуроре Т. И. Филиппов, на которого было возложено и делопроизводство. Через некоторое время Московскому митрополиту, святителю Филарету (Дроздову), было предложено прислать в Комитет своего представителя, этим представителем стал профессор МДА протоиерей А. В. Горский. В сентябре 1860 года, по указу Государя, в Комитет был введен также протоиерей М. И. Богословский.

³ Комитет был учрежден в апреле 1866 года. Председателем Комитета был назначен митрополит Киевский Арсений (Москвин), но за отбытием его вскоре в епархию, председательство поручено было пре-

Проекты Комитетов и частных лиц сходились в том, что в настоящем виде ДУУ «не имеет никакого смысла», ибо представляет из себя «только склад послужных списков»¹. Орган духовно-учебного управления должен обладать достаточной компетенцией для решения учебных и ученых дел (предполагалось это даже отразить в названии: Ученый совет или Ученый комитет, подобно Ученому комитету при Министерстве народного просвещения); ему должно быть вверено само существо дел, а не формальная лишь их сторона; во главе его должен стоять член Св. Синода. Однако мнения расходились в вопросах границ власти проектируемого органа и круга его занятий². В каком отношении предполагаемый Совет или Комитет будет стоять к Синоду и его органам: Канцелярии обер-прокурора и Хозяйственному управлению? Будет ли он равноправен Синоду или же подчинен ему? Будет ли он освобожден от дел по инспекторской части (например, представление к чиnam за выслугу лет), или равно будет

освященному Нектарию (Надеждину), в то время уже епископу Нижегородскому, участнику Комитета 1860 года. Членами Комитета были назначены: ректор КДА архимандрит Филарет (Филаретов), инспектор МДА архимандрит Михаил (Лузин), главный священник армии и флотов протоиерей М. И. Богословский, законоучитель Николаевского Сиротского института протоиерей П. В. Лебедев, ректор Санкт-Петербургского университета А. А. Воскресенский, член Совета Министров В. Д. Ржевский, состоящий при Министерстве народного просвещения А. Н. Тихомандрицкий и директор Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода Н. А. Сергиевский.

¹ Общее мнение Комитета о преобразовании духовных училищ 1866-1867 гг., переданное членом его Н. А. Сергиевским, директором канцелярии обер-прокурора (Профессор Московской духовной академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном / Публ. протоиерея А. Беляева. Письмо от 28 марта 1866 г. // Богословский вестник. 1912. Т. I. № 4. С. 744).

² Все желали упразднения ДУУ, однако было мнение, что следует возвратиться к первоначальным замыслам Комитета о усовершенствии духовных училищ, то есть должна быть восстановлена власть окружных академических правлений, чрезвычайно умаленная усилением централизации. См. мнение святителя Филарета (Дроздова), сохраненное протоиереем А. В. Горским: Дневник А. В. Горского. М., 1885. С. 126.

чужд вопросам о самом назначении лиц на учебно-служебные должности? Будет ли предоставлена Хозяйственному управлению лишь формальная сторона учебно-хозяйственных дел, то есть отчетность, или же и само распоряжение учебно-хозяйственными средствами будет изъято из ведения Совета? Будет ли Совет поставлен в живые отношения к духовным школам, с правом проводить личные обзоры и требуемые изменения, или, подобно ДУУ, будет сообщаться со школами исключительно посредством бумаг? Должны ли ученые занятия Совета касаться лишь духовных училищ, или же на него будут возлагаемы и прочие ученые поручения по духовному ведомству?

В зависимости от решения этих вопросов новый орган духовно-учебного управления мог стать либо в подлинном смысле высшим специальным управлением над духовно-учебным ведомством, либо еще одним вариантом полуживого, бессильного учреждения с неопределенным кругом решаемых вопросов. Критики проекта Комитета 1860-1862 годов по вопросу высшей духовно-учебной власти (например, Н. П. Гиляров-Платонов) отмечали, что в проекте произошло «смещение желаний и понятий»: 1) желание в более значимом высшем управлении духовно-учебными заведениями – это желание не его учености, но административной власти; 2) председательствующий в Совете член Синода – не для решения научных вопросов, но для авторитета; 3) смешиваются вопросы ученые и учебные; 4) Комитет надавал проектируемому Ученому совету столько поручений, что все смешалось: дела по управлению духовными училищами и вопросы просвещения, издательство духовно-учебной литературы; 5) самое главное: в чем назначение Ученого совета? Ученые советы при различных министерствах и организациях понятны, ибо следят за развитием науки и разрешают возникающие в связи с этим вопросы, тогда как сами министерства – заведения административные. Но можно ли Святейший Синод при всех его многочисленных административных делах приравнять к министерствам; может ли богословская наука быть приравнена к другим наукам; можно ли считать Совет, даже состоящий из «лиц, особенно знаменитых

духовною ученостию», более компетентным решать вопросы церковной науки, нежели «высший собор иерархов»?¹ Во главе духовно-учебной системы должна стоять специальная высшая учебная администрация, а не просто Ученый совет, ибо отказать духовным школам в руководстве нельзя.

Немаловажно было мнение обер-прокурора, как лица, имеющего при сложившейся ситуации наибольшее влияние на духовно-учебное управление. Через два месяца после вступления в должность обер-прокурора граф Д. А. Толстой², при своем посещении МДА, сетовал на то, что все его время теперь «поглощается бумажными делами», ибо «слишком много собрано в одной руке». Высказывал он и предположения о пути разрешения проблемы: «понемногу нужно decentraliser», – это и мнение Государя. Указывая на реальные сдвиги – отмену обязательных представлений епархиальных архиереев в Синод за разрешением о построении церквей и часовен, – граф Толстой говорил о намерении провести децентрализацию и в духовно-учебной системе³. Заявил он и о конкретных планах по реорганизации ДУУ: 1) перевести отделение, занимающееся поддержанием училищных зданий, в Хозяйственное управление, с соответствующим сокращением чиновников в духовно-учебном ведомстве; 2) преобразовать сам центральный орган управления, превратив его в Ученый комитет, способный заниматься «собственно учеными делами» и пересмотром программ и учебных книг; 3) учредить в этом Ученом комитете «управление архиерейское», а членов сделать постоянными и свободными от посторонних дел⁴.

Всем, кто имел отношение к духовной школе, было очевидно: эпоха ДУУ подошла к концу. Проекты, разрабатываемые в эти годы, показывали, что всю духовно-учебную систему в недалеком будущем потрясут кардинальные реформы.

¹ ОР РНБ. Ф. 847 (Н. В. Шаховской). Оп. 1. Д. 309. Л. 9.

² Обер-прокурор 03.06.1865–24.04.1880.

³ Запись из дневника протоиерея А. В. Горского от 3 августа 1865 г. // *Протоиерей А. В. Горский*. Дневник. М., 1885. С. 176–177.

⁴ Там же. С. 176–177.